

А. И. Бородовский
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия.
alexanderborodovski@yandex.ru

ДВОР УДЕЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА СТАРИЦКОГО

В статье исследуется состав двора удельного князя Владимира Андреевича Старицкого в 1540–1560-е гг. Приводятся сведения об административной и военной деятельности служилых людей Старицкого удельного княжества, рассматриваются их родственные связи друг с другом и с представителями Государева двора, а также их земельные владения. Отмечаются изменения в составе руководства старицкого двора, происходившие в 1550-х гг. Высказывается предположение, что причины этого могли быть политическими: царь желал заменить старых придворных, имевших долгую историю удельной службы, новыми лицами, связывавшими свою карьеру в большей степени с Москвой, а не со Старицей.

Ключевые слова: Старицкое удельное княжество, князь Владимир Андреевич Старицкий, удельный двор, служилые люди, Иван IV

Тема отношений между Старицкими князьями и московскими правителями издавна вызывает интерес ученых. Изучение данного вопроса требует обращения к такой проблематике, как состав служилых корпораций этого удельного княжества. Служилые люди удельных князей выполняли военные, административные, дипломатические функции. Их роль в судьбе старицких князей могла быть очень значительна в определенные моменты (например, во время «мятежа» 1537 г. и опричных репрессий 1560-х гг.). Если двор первого Старицкого князя, Андрея Ивановича, был рассмотрен в статье М. М. Бенцианова [Бенцианов, 2012; Бенцианов, 2013], то специальных работ о дворе Владимира Андреевича в настоящее время нет, хотя некоторые ученые затрагивали этот вопрос в своих исследованиях. Так, например, еще С. Б. Веселовский в своем труде по истории опричнины отметил, что летописные сведения о замене двора при возвращении отцовского удела Владимиру Андреевичу в начале 1540-х гг. не полностью соответствуют действительности. По мнению историка, настоящая перемена старицких служилых людей произошла только в 1560-х гг. [Веселовский, с. 164–166]. А. А. Зимин опубликовал статью об удельных князьях и их дворах, в которой рассмотрел в том числе и старицкий двор. Историк, в частности, отметил родственные связи между служилыми людьми Андрея Ивановича и Владимира Андреевича [Зимин, 1977, с. 181–184]. В своем труде о боярской аристократии А. А. Зимин также затронул ряд фамилий, представители которых служили Владимиру Старицкому (например, князей Хованских и Оболенских) [Зимин, 1988, с. 29–30, 53–55]. Некоторые сведения о судьбах старицких служилых людей в период опричнины содержатся в публикациях В. Б. Кобрин [Кобрин, с. 71, 88–89, 134], Р. Г. Скрынникова [Скрынников, 1992, с. 332, 435–436], Д. М. Володихина [Володихин]. Упомянутое выше исследование М. М. Бенцианова, хотя и посвящено двору Андрея Старицкого, включает также наблюдения относительно состава удельной служилой корпорации при Владимире Андреевиче [Бенцианов, 2013, с. 17–22]. Таким образом, нельзя сказать, что двор Владимира Андреевича Старицкого полностью обойден вниманием исследователей, однако существует потребность в научных трудах, посвященных непосредственно этой теме.

Необходимо также очертить круг основных источников, с помощью которых возможно исследовать двор Владимира Старицкого. В первую очередь следует отметить разрядные книги. Перечисляя лиц, получивших военные назначения, составители разрядных книг выделяют

среди них представителей удельных корпораций («князь Володимеров Андреевича воевода»)¹. В данной статье в качестве главного источника по военной деятельности старицких служилых людей был использован Государев разряд редакции 1598 г., опубликованный В. И. Бугановым по рукописи XVII в.² Еще больше имен старицких удельных людей можно найти в разрядах двух свадеб Владимира Андреевича, имевших место в 1550 и 1555 гг. Как отмечает М. Е. Бычкова, исследовавшая свадебные дела XVI в., подлинники этих источников сохранились далеко не полностью, главным образом в черновиках. Относительно Владимира Старицкого в подлиннике дошел только отрывок свадебного дела 1555 г. Основную информацию о разрядах свадеб Владимира Старицкого можно почерпнуть из нескольких рукописных сборников XVII–XVIII вв., а также из публикации Н. И. Новикова, основанной на самостоятельной рукописи. По словам М. Е. Бычковой, эти источники «каким-то образом восходят к подлинным делам XVI–XVII вв., но, очевидно, к окончательным, а не черновым документам» [Бычкова, с. 105–107]. Исследовательница отмечает, что от свадеб XVI в. до нас дошли отдельные документы, ни одно дело не сохранилось полностью. Тем не менее можно проследить основной состав участников этих свадеб [Бычкова, с. 114]. В данной статье были использованы свадебные разряды из сборников отделов рукописей БАН³ и РНБ⁴. Первая рукопись представляет собой книгу-конволют третьей четверти XVII в., вторая – разрядный сборник второй половины XVII в. [Бычкова, с. 107, 112]. Также в работе использовалась публикация свадебных разрядов Н. И. Новикова конца XVIII в. в «Древней российской вивлиофике»⁵. Работая с этими источниками, исследователю следует иметь в виду, что в некоторых случаях удельная служба тех или иных представителей старицкого двора может не быть отмечена. Поэтому необходимо сравнивать сведения разрядов с другими источниками, например родословными книгами. Сведения о службе представителей ряда фамилий Владимиру Старицкому можно найти в родословной книге из собрания князя М. А. Оболенского. В ее основе лежит Государев родословец 1555 г., позднее дополненный сведениями о родах, выдвинувшихся на передние роли в конце XVI – начале XVII в. Сама рукопись относится к концу XVII в. По мнению А. В. Антонова, опубликовавшего источник, данная родословная книга «вышла из стен Разрядного приказа в период деятельности там родословной комиссии, образованной в связи с указом об отмене местничества в январе 1682 г. для проведения работ по составлению новых официальных родословных книг»⁶. В ряде случаев информация дополнена по «Бархатной книге» – официальной родословной книге, также созданной после отмены местничества и опубликованной Н. И. Новиковым⁷. Заслуживает внимания и такой тип источников, как актовые материалы. Среди них можно выделить землевладельческие акты и духовные грамоты (завещания). В данных источниках нередко встречаются имена старицких служилых людей. Актовые источники многократно публиковались. В качестве классического примера такого издания можно назвать вышедший еще в середине XX в. сборник «Акты феодального землевладения и хозяйства» (составитель А. А. Зимин)⁸. В последующие десятилетия были введены в научный оборот новые актовые материалы: следует отметить составленный А. В. Антоновым и К. В. Барановым сборник «Акты служилых землевладельцев», а также

---

¹ См., например: Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, ввводн. ст. и ред. В. И. Буганова; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1966. С. 160.

² Там же. С. 5.

³ НИОР БАН. 16.15.15. Л. 103–117, 142 об.–154.

⁴ ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.IV.53. Л. 120–134 об.

⁵ Древняя российская вивлиофика (далее – ДРВ). Изд. 2. М., 1790. Ч. 13. Вторая свадьба в данном издании ошибочно датирована 1558 г.

⁶ Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 3–5.

⁷ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1; М., 1787. Ч. 2.

⁸ АФЗХ. Ч. 2.

публикацию документов старицких монастырей А. В. Маштафарова⁹. Для выявления родственных связей удельных придворных с представителями Государева двора следует обратиться в том числе к Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 1550-х гг.¹⁰ Некоторые ценные для этой темы сведения сохранили делопроизводственные документы. Можно назвать, например, дозорную книгу Тверского уезда, содержащую информацию о местных землевладельцах, служивших Старицким князьям¹¹.

Обращаясь непосредственно к составу старицкого двора, в первую очередь необходимо сказать о видных княжеских родах, представители которых служили в Старицком княжестве.

При дворе Владимира Андреевича были широко представлены князья Оболенские, потомки Черниговских князей. Как отмечает А. А. Зимин, в XV – начале XVI в. выходцы из этого рода часто шли на службу к удельным князьям. Историк объясняет этот факт тем обстоятельством, что места при великокняжеском дворе были заняты старшими представителями этой фамилии, соответственно, младшим приходилось «искать чинов и счастья в уделах». По мере разрастания рода появлялись целые ветви младших Оболенских, не находивших места в Москве и поэтому служивших в уделах [Зимин, 1988, с. 53]. Со старицким двором Оболенские были связаны еще в годы княжения Андрея Ивановича. Так, первому Старицкому князю служили три брата Пенинских-Оболенских – Иван Андреевич, Юрий Андреевич Большой и Юрий Андреевич Меньшой¹². В январе 1533 г. на свадьбе Андрея Старицкого и Евфросиньи Хованской князь Юрий Андреевич Пенинский был «у постели». Разрядная книга не уточняет, о ком именно из двух братьев идет речь, однако называет его боярином¹³. Ниже будет показано, что летописные источники относят к удельным боярам Юрия Меньшого. Как предполагает М. М. Бенцианов, младший из братьев Пенинских мог получить боярство благодаря родственным связям: его жена Ульяна Хованская была сестрой удельной княгини Евфросиньи [Бенцианов, 2012, с. 73]. Оба князя Юрия упоминаются в «Повести о поимании Андрея Ивановича» (составленной, вероятно, одним из сторонников первого Старицкого князя). Юрий Большой, воевода Андрея Старицкого, прибывает на помощь своему государю из Коломны. За это, по словам Повести, Андрей Иванович «обещая его жаловать и одариша его дарми многими и учиниша ему честь велию перед всеми». Юрий Меньшой назван в данном источнике удельным дворецким. Ему докладывают полученные под пыткой показания «изменника» Андрея Валуева, пытавшегося бежать от удельного князя. Юрий Меньшой передает эти сведения непосредственно Андрею Старицкому¹⁴. Воскресенская летопись, перечисляя опальных сторонников Старицкого князя, упоминает в числе его бояр Ивана и Юрия Меньшого (также называя последнего дворецким), а в числе «детей боярских... которые у него в избе были и его думу ведали» – Юрия Большого. Они подверглись пыткам и торговой казни, после чего были окованы и заключены в «наугольную стрелницу»¹⁵. Однако к началу 1540-х гг. все три брата были уже на свободе и привлекались на великокняжескую военную службу¹⁶. По мнению М. М. Бенцианова, это могло быть связано с влиятельным положением князей Оболенских в Боярской думе [Бенцианов, 2012, с. 76].

⁹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (далее – АСЗ). М., 1997. Т. 1; Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 129–151.

¹⁰ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А. А. Зимин (далее – ТКиДТ). М., Л., 1950.

¹¹ Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005.

¹² Памятники истории русского служилого сословия. С. 63.

¹³ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 13.

¹⁴ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 223.

¹⁵ ПСРА. СПб., 1859. Т. 8. С. 294–295.

¹⁶ По сообщению Постниковского летописца, бывшие приближенные Андрея Старицкого (за исключением уже умершего Федора Пронского) были освобождены из заключения в апреле 1538 г., после смерти Елены Глинской (ПСРА. М., 1978. Т. 34. С. 26).

Сын Ивана Пенинского Федор упоминается в Тысячной книге как служивший по Старице и в Дворовой тетради среди князей Оболенских¹⁷. В то же время младший из трех братьев Пенинских, Юрий Меньшой, во второй половине 1540-х гг. уже служил новому Старицкому князю Владимиру Андреевичу. В июле 1548 г. Юрий Меньшой в качестве удельного боярина «приказал» грамоту Владимира Андреевича, выданную старицкому землевладельцу Федору Бороздину¹⁸. В мае 1550 г. Владимир Старицкий женился на Евдокии Нагой. Юрий Андреевич Пенинский присутствовал на церемонии, занимая место «у постели» (так же, как 17 лет назад на свадьбе Андрея Старицкого)¹⁹. Разрядные книги отмечают военную деятельность Юрия Меньшого в период его пребывания на удельной службе. В 1552 г. воевода князь Юрий Пенинский находился в большом полку у Казани, в 1553 г. стоял в Серпухове вместе с «княж Володимеровыми детьми боярскими» для защиты от ногайцев²⁰. Со второй половины 1550-х гг. имя Юрия Меньшого исчезает из разрядных книг. Не упомянут он и на свадьбе Владимира Андреевича и Евдокии Одоевской (1555 г.). Сохранилась духовная грамота этого князя. Точная датировка ее неизвестна. По косвенным признакам подготовивший грамоту к изданию А. А. Зимин делает вывод, что она была составлена не ранее 1547 г. и не позднее 1565 г. Эта грамота дает некоторые сведения о семье Пенинских: так, из нее следует, что у Юрия Меньшого и Ульяны Хованской была дочь Аграфена, на момент составления завещания незамужняя (значительную часть текста составляет перечисление ее приданого). Помимо этого, данный документ содержит информацию о смерти Юрия Большого, который скончался в Торопце, где находился «на царе великого князя жалованье» (получал «кормовые деньги»). В грамоте также упоминаются земельные владения князя Пенинского в Волоцком уезде и его подворье в Москве (но нет каких-либо указаний на его земли в самом Старицком уделе). В конце завещания князь Юрий Андреевич наказывает похоронить себя в Троице-Сергиевом монастыре, рядом с братом Юрием Большим²¹. Следует отметить, что еще в 1525 или 1526 г. все три брата Пенинских пожаловали Троице-Сергиеву монастырю село в Переяславском уезде и в данной грамоте выражали желание быть погребенными в этом монастыре²².

Другой ветвью князей Оболенских, также связанной со Старицким уделом, были Лыковы. Родословная книга указывает, что Андрею Старицкому служили три брата из этой фамилии: Иван, Андрей Курака и Юрий Чапля Васильевичи, причем последний был также боярином Владимира Андреевича²³. Князь Андрей Лыков в 1533 г. принимал участие в свадьбе Андрея Ивановича («со княж Андреевым зголовьем ходил»)²⁴. Какие-либо подробности службы Юрия Лыкова Андрею Старицкому неизвестны, однако он, подобно своему родственнику Юрию Пенинскому Меньшому, в конце 1540-х гг. уже был на удельной службе. Весной 1549 г. воевода Старицкого князь Юрий Васильевич Лыков стоял с войсками между Коломной и Каширой «у Николы Зарайского»²⁵. В мае 1550 г. на свадьбе Владимира Андреевича Юрий Лыков занимал место «у княжего коня». Свадебный разряд называет его конюшим и сыном боярским удельного князя²⁶. Среди участников второй свадьбы Владимира Старицкого (апрель 1555 г.) Юрий Лыков не назван. Тем не менее, судя по данным Государева разряда, он все еще продолжал служить в Старицком уделе. В июле 1555 г. Юрий Васильевич, упомянутый как воевода

---

¹⁷ ТКиДТ. С. 81, 119.

¹⁸ АФЗХ. Ч. 2. С. 214.

¹⁹ ДРВ. С. 47; НИОР БАН. 16.15.15. Л. 104 об.

²⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 137, 143.

²¹ АФЗХ. Ч. 2. С. 207–214.

²² Акты русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975. С. 267–268.

²³ Памятники истории русского служилого сословия. С. 64–65.

²⁴ ДРВ. С. 28.

²⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 118–119.

²⁶ ДРВ. С. 54; НИОР БАН. 16.15.15. Л. 114.

Владимира Андреевича, в составе большого полка выходил из Белева на «крымские улусы»²⁷. По предположению А. П. Павлова, в 1559–1560 гг. Юрий Лыков мог получить во владение село Степурино в Тверском уезде. Исследователь основывает свое мнение на сведениях писцовых книг данного уезда 1620-х гг. В них указано, что боярин князь Борис Михайлович Лыков (внук Юрия Васильевича) владел этим селом, в том числе по «рядной записи» 1559–1560 гг. Известно, что в начале 1550-х гг. селом владели представители рода Борисовых, также служивших Владимиру Старицкому (см. о них ниже). Как считает А. П. Павлов, это земельное владение перешло от Борисовых к Юрию Лыкову, возможно, благодаря их родственным связям [Павлов, 2018, с. 957]. Помимо разрядных и родословных книг, служба Юрия Лыкова Старицкому князю упомянута в духовной грамоте старца Елисея Васильевича Бибикова из Левкиева Успенского монастыря. В завещании, составленном в 1579 или 1580 г., Бибиков пишет в том числе и о своих денежных долгах. Старец вспоминает, как когда-то «князь Юрьи Васильевич Лыков занял в кабалу у Ермана у Слепушкина пять рублей денег а яз, Елисей, писался для его, а деньги шли ко князю к Юрьи». Впоследствии Герман Слепушкин потребовал возврата денег, бив челом князю Владимиру Андреевичу. Поскольку Юрий Лыков был в то время на службе в Галиче, долг в итоге взяли с Бибикова («кабалу в семи рублех»)²⁸. Интересно отметить, что у того же Германа Слепушкина («строителя» Старицкого Успенского монастыря) брал деньги в долг другой упоминавшийся ранее старицкий придворный – Юрий Пенинский Меньшой²⁹. На свадьбах Владимира Старицкого присутствовали и иные представители данного рода: в разряде 1550 г. указаны князь Андрей Лыков (был «у постели»)³⁰ и князь Федор Иванович Лыков («княжое згололье нес к церкви»)³¹, в разряде 1555 г. названы князья Иван Иванович и Михаил Лыковы (колпак держали) и тот же Федор Лыков (был в числе несших каравай)³². Однако принадлежность этих лиц к служилым людям Владимира Старицкого не отмечена ни в данном источнике, ни в каких-либо иных.

Входили в состав старицкого двора также представители еще нескольких ветвей Оболенских. Согласно родословной книге, Владимиру Андреевичу служили братья Тимофей Иванович и Иван Иванович Рыжковы Долгоруковы³³. Оба Долгорукова присутствовали на свадьбе 1550 г. (несли каравай). В свадебном разряде они указаны как дети боярские Владимира Андреевича³⁴. На свадьбе 1555 г. разряд называет Тимофея Ивановича Рыжкова Долгорукова также в числе несших каравай (в этом случае без упоминания о его принадлежности к удельной корпорации)³⁵. Отец братьев, Иван Рыжко Тимофеевич Долгорукий, служил царю, он был упомянут в Тысячной книге и Дворовой тетради (в обоих случаях под рубрикой «князи Оболенские»)³⁶. Тимофей Иванович впоследствии также перешел на царскую службу³⁷. К роду Оболенских принадлежали и князья Щербатовы. На свадьбе 1550 г. свечи несли четыре представителя этой фамилии: Дмитрий и Осип Михайловичи, Иван и Никита Григорьевичи³⁸. Во время второй свадьбы Иван и Никита также несли свечи, в то время как Осип – каравай³⁹. Хотя свадебные разряды не отмечают Щербатовых как представителей двора Владимира Андреевича,

²⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 149.

²⁸ АФЗХ. Ч. 2. С. 411–412.

²⁹ Там же. С. 207.

³⁰ ДРВ. С. 47.

³¹ Там же. С. 54.

³² Там же. С. 82.

³³ Памятники истории русского служилого сословия. С. 66.

³⁴ ДРВ. С. 54.

³⁵ Там же. С. 82.

³⁶ ТКиДТ. С. 57, 119.

³⁷ АСЗ. М., 2008. Т. 4. С. 86.

³⁸ ДРВ. С. 55.

³⁹ Там же. С. 82.

родословная книга относит и братьев Михайловичей, и братьев Григорьевичей к служилым людям второго Старицкого князя⁴⁰. К началу 1560-х гг., еще до опалы Владимира Старицкого и смены двора, Щербатовы были переведены на царскую службу. Иван Григорьевич, Дмитрий и Осип Михайловичи впоследствии вошли в опричнину, получали различные воеводские назначения, а Осип в 1572 г. даже стал опричным окольничим [Кобрин, с. 95–96, 129].

Видное место при старицком дворе занимали Хованские, потомки великого князя Литовского Гедимина. Представительница этого рода Евфросинья Андреевна в 1533 г. стала женой Андрея Старицкого. Брат княгини Евфросиньи, Иван Андреевич Хованский, был в числе сторонников Андрея Старицкого, пострадавших после неудачного «мятежа» 1537 г.⁴¹ В описываемый период Хованские еще не входили в состав высшей элиты Русского царства, хотя отдельные представители рода состояли на государственной службе. В Дворовой тетради упомянуты Дмитрий Васильевич и Дмитрий Федорович Хованские как служившие по Волоку и Ржеве⁴². В тот же период на службе у Владимира Андреевича появляются двое братьев из князей Хованских: Борис и Андрей Петровичи. На свадьбе 1555 г. Борис Хованский, названный конюшим Владимира Андреевича, находился у князьего коня⁴³. Таким образом, ему перешли должность и место, занимаемые ранее Юрием Лыковым Оболенским. В разрядах отмечена и военная деятельность Хованских: в сентябре 1556 г. Борис Петрович был в числе воевод в Калуге «от крымских людей»⁴⁴. Пространная редакция разрядной книги называет в этом месте Бориса Хованского дворецким Владимира Андреевича⁴⁵. Андрей Петрович в августе 1560 г. указан как один из воевод при взятии ливонской крепости Феллин («Вильян» в русских источниках). Последнее сообщение разрядной книги представляет дополнительный интерес, поскольку Андрей Хованский назван здесь дворецким Владимира Старицкого⁴⁶. Таким образом, судя по сведениям разрядных книг, должность удельного дворецкого перешла от одного брата к другому. Хованские выполняли не только военные поручения: так, в 1560 г. боярин Борис Петрович Хованский по указу Владимира Старицкого произвел обмен земельными владениями между удельным князем и великокняжескими детьми боярскими братьями Волкоморовыми⁴⁷. После опалы Владимира Андреевича в 1563 г. Хованские были удалены из старицкого двора и переведены на царскую службу. В следующем, 1564 г. разрядная книга отмечает назначение Андрея Петровича воеводой в Брянск, а Бориса Петровича – в Смоленск⁴⁸. В дальнейшем судьба обоих братьев сложилась благополучно. Около 1570 г. Андрей Хованский вступил в опричнину. В. Б. Кобрин отметил, что это совпало по времени с казнью Владимира Старицкого, и предположил, что Хованский оказал некие услуги царю в связи с делом против своего бывшего князя. Андрей Петрович неоднократно получал воеводские назначения, в том числе и после отмены опричнины [Кобрин, с. 71]. Продолжал службу в 1570-е гг. и Борис Хованский⁴⁹.

В числе выдающихся представителей старицкого двора необходимо назвать князя Василия Ивановича Темкина. Его род принадлежал к Ростовским князьям. Андрею Старицкому служил представитель другой ветви этой княжеской фамилии – Василий Федорович Голубой, бывший удельным сыном боярским. Однако накануне «мятежа» он предупредил великокняжеское

---

⁴⁰ Памятники истории русского служилого сословия. С. 66–67.

⁴¹ ПСРА. Т. 8. С. 295.

⁴² ТКиДТ. С. 177, 179.

⁴³ ДРВ. С. 82; НИОР БАН. 16.15.15. Л. 145; ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.IV.53. Л. 123.

⁴⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 160.

⁴⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1 / Сост. Н. Г. Савич. С. 4.

⁴⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 189–192.

⁴⁷ *Маштафаров А. В.* Старицкие монастыри в документах XVI века. С. 135.

⁴⁸ Разрядная книга 1575–1598 гг. С. 208.

⁴⁹ Там же. С. 267, 277.

правительство о намерении Андрея Старицкого бежать, а впоследствии сам перешел на сторону Москвы⁵⁰. Что касается Василия Ивановича Темкина, то до перехода в удел он находился на великокняжеской службе, в 1543 г. был наместником в Рязани⁵¹. В. Б. Кобрин обратил внимание на то, что после этого Василий Темкин почти исчезает из разрядов. Это может означать его вхождение в состав двора Владимира Андреевича еще в 1540-е гг. [Кобрин, с. 82]. Точно выяснить причины, по которым Василий Темкин был включен в руководство удельного двора, вряд ли представляется возможным, но следует отметить, что хронологически это приблизительно совпадает с возвышением в Москве его старшего брата Юрия Ивановича Темкина. Он был участником придворной борьбы времен боярского правления, выступая на стороне князей Шуйских. После казни Андрея Михайловича Шуйского в 1543 г. Юрий Темкин был отправлен в ссылку. Однако к концу 1540-х гг. князю Темкину удалось не только вернуть свое прежнее положение, но и получить боярство в царской Думе [Зимин, 1960, с. 301, 311]. Не исключено, что назначение Василия Темкина на службу в Старицкое княжество было связано с карьерой его родственника. Вероятно, на тот момент сам Василий Иванович еще не имел возможности войти в московскую элиту, но смог занять место в руководстве удельного двора. На свадьбе Владимира в 1555 г. он отмечен как удельный боярин, сидевший «в кривом столе» напротив царских бояр⁵². В 1559 г. царь велел Владимиру Андреевичу послать в войска на Каширу Василия Темкина или Петра Пронского (о нем будет сказано ниже)⁵³. В марте того же года Василию Ивановичу докладывалась купчая, когда строитель Богословского Холохоленского монастыря Герасим приобрел земельные владения на территории Старицкого уезда⁵⁴. В 1560-х гг. Темкин вернулся на службу царю, побывал в ливонском плену, впоследствии стал опричным боярином. Василий Иванович принимал участие как в военных действиях, так и в репрессиях. В 1571 г. он сам был казнен – вероятно, из-за неудачного командования во время нашествия крымских татар [Кобрин, с. 82–83; Володихин, с. 22–24].

Необходимо сказать также об уже упомянутом князе Петре Даниловиче Пронском. Он происходил из Рязанских князей. Отец Петра, Даниил Дмитриевич, с 1547 г. имел чин царского боярина [Кобрин, с. 70]. Женой Даниила Дмитриевича и матерью Петра Даниловича была Фетинья Андреевна Хованская, сестра княгини Евфросиньи Старицкой [Бенцианов, 2012, с. 76]. Таким образом, Петр Пронский приходился двоюродным братом Владимиру Андреевичу. Заслуживает упоминания дядя Петра Даниловича, князь Федор Дмитриевич Пронский. Он был боярином князя Андрея Ивановича Старицкого. Во время конфликта 1537 г., предшествующего «мятежу», удельный князь отправил Федора Пронского в Москву к Елене Глинской «бити челом о своих великих обидах», но по дороге тот был арестован. Согласно летописным свидетельствам, Федор Дмитриевич умер в заключении⁵⁵. Сын Федора Пронского Константин также служил Андрею Ивановичу, но не сохранил ему верность, во время «мятежа» перебежав на сторону Москвы⁵⁶. Сыновья Константина Федоровича Андрей и Василий вошли в состав Государева двора, причем служили по Старице – следовательно, Пронские имели земельные владения на территории удельного княжества⁵⁷. Что же касается самого Петра Даниловича, то на удельной службе он оказался сравнительно поздно. В 1540–1550-х гг. он неоднократно

⁵⁰ ПСРА. Т. 8. С. 293–294.

⁵¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 105.

⁵² Там же. С. 15; НИОР БАН. 16.15.15. Л. 144 об.; ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.IV.53. Л. 112 об.

⁵³ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 179.

⁵⁴ Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века. С. 133–134.

⁵⁵ ПСРА. Т. 8. С. 295.

⁵⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 224.

⁵⁷ ТКиДТ. С. 183.

отмечен в разрядах как великокняжеский и царский воевода [Кобрин, с. 70–71]. В Тысячной книге и Дворовой тетради Петр Пронский упоминается как сын боярский, служивший по Юрьеву⁵⁸. В 1550 г. Петр Данилович присутствовал на свадьбе Владимира Андреевича. В опубликованном Н. И. Новиковым свадебном разряде Пронский перечислен в списке лиц, названных «княжие дети боярские»⁵⁹. Однако в рукописи из собрания БАН данный фрагмент читается «князи и дети боярские»⁶⁰, так что речи об удельной службе князя Пронского на тот момент идти не может. Еще в июне 1556 г. Пронский как представитель царского двора сопровождал Ивана IV в Серпухове⁶¹. К концу 1550-х гг. он был переведен на службу в Старицкий удел (согласно пометке из Дворовой тетради, Петр Пронский был «в удел дан» в 1558 или 1559 г.)⁶². В 1559 г. Государев разряд упоминает Петра Даниловича как боярина Владимира Старицкого⁶³. Вероятно, перевод Пронского в удел был обусловлен двумя обстоятельствами. Петр Данилович имел значительный опыт царской службы и, по всей видимости, пользовался доверием Ивана IV. В то же время Пронский приходился близким родственником Владимиру Старицкому, а также имел родственные связи с придворными Андрея Старицкого. Таким образом, с одной стороны, Петр Данилович выглядел «своим» в глазах Старицкого князя, с другой – он был верен царю и, как можно предположить, связывал свою судьбу с государевой службой, а не с удельной. Пребывание князя Пронского в составе старицкой служилой корпорации продлилось сравнительно недолго: в 1563 г. Владимира Андреевича постигла опала, и в связи с этим Пронский, подобно некоторым другим старицким придворным, был отозван из удела. В следующем году Петр Пронский, снова как царский воевода, служил в Чебоксарах⁶⁴. Позднее он стал московским боярином, сначала в земщине, а затем в опричнине, был наместником Новгорода после погрома 1570 г. [Кобрин, с. 71].

В Старицком уделе служили несколько поколений князей Чернятинских. Эта фамилия являлась младшей ветвью Тверских князей, и еще в середине XVI в. ее представители владели вотчинами на территории Тверского уезда. На государевой службе князья Чернятинские не преуспели, с чем, возможно, и связано их появление в Старицком уделе [Бенцианов, 2012, с. 70]. Родословная книга отмечает, что Василий Андреевич Чернятинский имел боярский чин при дворе Андрея Старицкого⁶⁵. После «мятежа» 1537 г., согласно Вологодско-Пермской летописи, двое князей Чернятинских оказались среди попавших в заключение сторонников Старицкого князя⁶⁶. Другой источник, «Повесть о поимании Андрея Старицкого», приводит интересный эпизод: по дороге в Москву старицкий стольник князь Иван Шах Чернятинский (сын Василия Андреевича), «убоявся поиманья от великого князя», решил сложить присягу Андрею Старицкому, «видев государя своего... незгуду». Однако другие представители старицкого двора, услышав предложение Ивана Чернятинского, не поддержали его⁶⁷. Позднее Иван Васильевич и его брат Никита, также из бывших служилых людей Андрея Старицкого, оказались на царской службе, войдя в число «тысячников»⁶⁸. В то же время их племянник, князь Дмитрий Васильевич Чернятинский, согласно данным родословной книги, служил

---

⁵⁸ Там же. С. 59, 151.

⁵⁹ ДРВ. С. 56.

⁶⁰ НИОР БАН. 16.15.15. Л. 116 об.

⁶¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 157.

⁶² ТКиДТ. С. 151.

⁶³ Там же. С. 179.

⁶⁴ Там же. С. 213.

⁶⁵ Памятники истории русского служилого сословия. С. 35.

⁶⁶ ПСРА. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 323.

⁶⁷ Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 224.

⁶⁸ ТКиДТ. С. 81.

Владимиру Старицкому⁶⁹. Вероятно, его появление в уделе связано не только со службой предков, но также и с родством с князьями Хованскими (сестра Дмитрия Васильевича была замужем за представителем данного рода), а через них – с самим Владимиром Старицким [Веселовский, с. 166].

На обеих свадьбах Владимира Старицкого среди несших каравай упоминается князь Семен Андреевич Кропоткин, причем в первом случае он указан в числе удельных детей боярских⁷⁰. Кропоткины были потомками Смоленских князей⁷¹. Родственники Семена Андреевича упомянуты в Тысячной книге как новгородские дети боярские⁷².

Ярославские князья были представлены при старицком дворе Андреем Даниловичем Шестуновым – свадебный список 1555 г. называет его сыном боярским на службе у Владимира Андреевича⁷³. Его родственники в то время находились на царской службе: в Тысячной книге двое князей Шестуновых, Дмитрий и Константин Семеновичи, отмечены как служащие по Ростову⁷⁴. Когда в 1560 г. царь восстановил Углицкий удел для своего брата Юрия Васильевича, Дмитрий Семенович Шестунов был отправлен в удельную думу боярином [Бенцианов, 2013, с. 22–23]. Сам же князь Андрей Шестунов в 1565 г. упомянут на военной службе в Государевом разряде, уже без указаний на его удельную принадлежность⁷⁵.

При Андрее Ивановиче в состав Старицкого двора входили Волконские, потомки одной из ветвей Черниговских князей. Их родовая вотчина, город Волокна, согласно завещанию Ивана III, стал частью Старицкого удельного княжества⁷⁶. Источники упоминают о службе Андрею Старицкому князей Дмитрия и Потула Васильевичей Волконских, владевших землями в Алексинском уезде [Бенцианов, 2012, с. 70]. По мнению М. М. Бенцианова, Волконские избежали опалы после «мятежа» 1537 г., поскольку в тот момент находились в войсках возле Коломны и, соответственно, не были скомпрометированы. Также историк делает предположение, что в данном случае имело значение расположение вотчин князей Волконских: представители данного рода играли важную роль в охране границ, из-за чего отношение к ним московского правительства было более снисходительным. Так или иначе, уже в 1538 г. Дмитрий Волконский числился великокняжеским воеводой [Бенцианов, 2013, с. 17]. Есть основания предположить, что Волконские служили и Владимиру Андреевичу. В свадебном списке 1555 г. упомянут князь Иван Волконский (в числе несших каравай). Его удельная служба здесь не указана, но в одном ряду с ним названы лица, принадлежность которых к старицкому двору несомненна, хотя также в данном случае не упоминается (Иван Образцов, Семен Кропоткин, Тимофей Рыжков Долгоруков)⁷⁷. Волконские были связаны родством с другой фамилией служилых людей Старицкого княжества – Валуевыми (см. о них ниже).

Необходимо также выделить несколько родов княжеского происхождения, которые утратили титул и выходцы из которых служили в Старицком уделе в данный период.

Одной из таких фамилий были Еропкины – потерявшие титул потомки Смоленских князей [Зимин, 1988, с. 232]. Родословная книга указывает, что Владимиру Старицкому служили три брата Еропкиных: Борис, Семен и Федор Васильевичи⁷⁸. По-видимому, представители этой фамилии оставались на удельной службе и после смены двора в 1563 г. В мае 1565 г. Григорий

⁶⁹ Памятники истории русского служилого сословия. С. 35.

⁷⁰ ДРВ. С. 54, 82.

⁷¹ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 93, 110.

⁷² ТКиДТ. С. 87.

⁷³ ДРВ. С. 80; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. С. 113, 118.

⁷⁴ ТКиДТ. С. 58.

⁷⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 218.

⁷⁶ ДДГ. С. 360.

⁷⁷ ДРВ. С. 82.

⁷⁸ Памятники истории русского служилого сословия. С. 141.

Еропкин «по княж Володимерову Андреевича наказу» разбирал земельный спор между удельными людьми и Иосифо-Волоцким монастырем⁷⁹.

В источниках можно обнаружить сведения о службе в Старицком уделе Заболоцких – еще одних потомков Смоленских князей, утративших титул в связи с переходом на московскую службу в конце XIV в. Интересно, что Заболоцкие упоминаются рядом с князьями Старицкими еще до фактического образования удельного княжества: в 1512 г. Константин Григорьевич Заболоцкий вместе с Андреем Ивановичем был отправлен на охрану южных границ; в том же году Алексей Григорьевич Заболоцкий был назначен дворецким к будущему Старицкому князю [Зимин, 1988, с. 223, 228]. Как следует из Дворовой тетради, земельные владения этой фамилии располагались главным образом в Дмитровском и Переяславском уездах⁸⁰. Родословная книга называет нескольких представителей рода Заболоцких, служивших Владимиру Андреевичу: братья Иван и Данил Семеновичи Угримовы, Данил Владимирович⁸¹. Иван Семенович Угримов Заболоцкий, согласно Государеву разряду, в 1551 г. стоял в Пронске в качестве воеводы Владимира Старицкого⁸². Летописи отмечают его участие в казанском походе 1552 г., также указывая на принадлежность к служилым людям Владимира Андреевича⁸³. Некоторые Заболоцкие сохраняли связи с Владимиром Андреевичем вплоть до конца его жизни. Согласно Синодику опальных, среди лиц, казненных вместе с удельным князем в 1569 г., был Богдан Васильевич Заболоцкий [Скрынников, 1992, с. 356]. В январе 1566 г. он участвовал в земельном обмене между царем и Владимиром. Можно предположить, что в данном случае Заболоцкий был представителем царя, так как его принадлежность к удельному двору в меновой грамоте не названа⁸⁴. Достоверно известно, что ранее Богдан Васильевич находился на государевой службе. В Тысячной книге он указан среди детей боярских, служивших по Волоку, а в Дворовой тетради отмечена его служба по Рузе и Ржеве⁸⁵.

Возможно, Владимиру Андреевичу служили выходцы из рода Сатиных – нетитулованных потомков Козельских князей⁸⁶. Григорий Дмитриевич Судок Сатин был сыном боярским Андрея Ивановича и накануне «мятежа» 1537 г. предупредил своего князя о готовящемся аресте⁸⁷. Его брат Дмитрий Дмитриевич Сатин присутствовал на свадьбе Владимира Андреевича 1550 г. (нес фонарь)⁸⁸. О служилой принадлежности Дмитрия Сатина свадебный разряд не сообщает. Известно, что другие Сатины находились на царской службе по Ржеве и Угличу⁸⁹.

Согласно свадебным разрядам, в состав двора Владимира Андреевича входили представители рода Волынских. Основателем этой фамилии был князь Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, служивший Дмитрию Донскому⁹⁰. Его потомки уже не имели княжеского титула. На свадьбе 1550 г. присутствовали удельные дети боярские Иван Саввич⁹¹ и Федор Саввич Волынские⁹². В 1555 г. «княжое зголовье нести к церкви» было доверено Петру Ивановичу Волынскому (но в данном случае его удельная служба не отмечена)⁹³.

---

⁷⁹ АФЗХ. Ч. 2. С. 330–332.

⁸⁰ ТКиДТ. С. 128–129, 138–139.

⁸¹ Памятники истории русского служилого сословия. С. 107–108.

⁸² Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 133.

⁸³ ПСРА. СПб., 1906. Т. 13. 2-я пол. С. 510.

⁸⁴ ДДГ. С. 420–422.

⁸⁵ ТКиДТ. С. 75, 176, 179.

⁸⁶ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 374.

⁸⁷ ПСРА. Т. 8. С. 293.

⁸⁸ ДРВ. С. 55.

⁸⁹ ТКиДТ. С. 180, 205.

⁹⁰ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 85.

⁹¹ ДРВ. С. 48.

⁹² Там же. С. 54.

⁹³ Там же. С. 82.

Среди фамилий не княжеского происхождения, служивших в Старицком уделе, в первую очередь следует назвать Борисовых Бороздиных, происходивших от тверских бояр. Книгиня Евфросинья Андреевна была потомком этого рода по материнской линии. В свадьбе 1533 г. принимали участие Василий Петрович и Тимофей Васильевич Борисовы⁹⁴. Оба они находились на великокняжеской, а не на удельной службе. Известна также жалованная грамота князя Андрея Ивановича Федору Борисовичу Бороздину на село в Старицком уезде⁹⁵, в 1548 г. подтвержденная Владимиром Андреевичем⁹⁶. В 1550 г. Григорий Тимофеевич Борисов указан в свадебном разряде как сын боярский Владимира Старицкого. Во время церемонии он держал колпак и нес каравай⁹⁷. Другой представитель этой фамилии, Григорий Никитич, согласно сведениям из разрядной книги, был воеводой Владимира Андреевича. В 1551 г. он стоял «на Михайлове городе», в 1556 г. находился в Калуге для защиты от крымцев⁹⁸. Д. М. Володихин отметил, что во время похода на Полоцк 1562–1563 гг. принадлежность Григория Никитича к старицкому двору уже не указывается, то есть, вероятно, он к тому времени уже перешел с удельной службы на царскую. Впоследствии этот воевода служил в опричнине, благополучно пережил ее отмену и продолжал назначаться на различные должности вплоть до начала 1590-х гг. [Володихин, с. 19–20]. Дополнительную информацию об удельной службе Борисовых можно извлечь из родословной книги. По сведениям данного источника, Владимиру Андреевичу служили также Иван Тимофеевич (брат упомянутого выше Григория), Иван и Федор Ивановичи, братья Житовы: Богдан, Федор и Лука Степановичи, их двоюродный брат Дмитрий Никитич⁹⁹. Никита Житов на второй свадьбе Владимира Андреевича нес каравай (его удельная служба в данном случае не отмечена)¹⁰⁰. Братья Григорий и Иван Тимофеевичи упомянуты также в дозорной книге Тверского уезда 1551–1554 гг. с указанием на их службу Владимиру Андреевичу. Дозорная книга называет земельные владения братьев на территории данного уезда – два села (Степурино и Козлово) с деревнями¹⁰¹. Отмеченные выше Житовы относились к числу старинных вотчинников Старицкого уезда, имевших здесь вотчины еще в XV в. Например, Лука Степанович и Дмитрий Никитич раздельно владели селом Михайловским с деревнями. События 1560-х гг. привели к потере данной семьей их земельных владений. По мнению П. А. Садикова, это произошло в годы опричнины. А. П. Павлов считает, что выселение Житовых из удела могло произойти раньше, в 1563–1566 гг. (то есть в период между опалой князя Владимира и полной заменой его удела). Позднее (в 1570-е гг.) некоторым Житовым были возвращены их старинные вотчины. Заслуживает внимания Настасья Ивановна Житова (впоследствии монахиня Пелагея), мать упоминавшегося ранее Луки Степановича. П. А. Садиков отметил, что ее завещание показывает близкие связи с дочерью Владимира Старицкого Марией. Исследователь предположил, что Житова была боярыней при удельной княжне [Садиков, с. 129–130, 137–138; Павлов, 1985, с. 114–115, 119]. Другой ветвью Борисовых Бороздиных были Кашинцевы. Согласно сведениям родословной книги, Владимиру Старицкому служили внуки основателя этой фамилии Ивана Кашинца (имена их источник не называет)¹⁰². В свадебном разряде 1550 г. упомянут Дмитрий Кашинцев, в разряде 1555 г. – Василий Кашинцев (в обоих случаях без указания на удельную принадлежность)¹⁰³.

⁹⁴ Там же. С. 20.

⁹⁵ АФЗХ. Ч. 2. С. 108.

⁹⁶ Там же. С. 214.

⁹⁷ ДРВ. С. 54.

⁹⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 133, 160.

⁹⁹ Памятники истории русского служилого сословия. С. 117.

¹⁰⁰ ДРВ. С. 82.

¹⁰¹ Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 243–244.

¹⁰² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. С. 145.

¹⁰³ ДРВ. С. 55.

Значительную роль играли при старицком дворе Колычевы, потомки московского боярина Андрея Кобылы. Иван Иванович Умой Колычев занимал должность дворецкого при князе Андрее Ивановиче (сохранилась правая грамота 1530 г. с его упоминанием)¹⁰⁴. На свадьбе 1533 г. присутствовал Иван Борисович Хлызнев Колычев¹⁰⁵. Оба Колычева участвовали в «мятеже» 1537 г., причем до его конца оставались верными удельному князю¹⁰⁶. Иван Умой Колычев, несмотря на постигшую его опалу после неудачного «мятежа», смог впоследствии сделать успешную карьеру на московской службе, в 1549 г. войдя в Боярскую думу в чине окольничего [Бенцианов, 2013, с. 18]. В то же время Иван Хлызнев Колычев вернулся в Старицкий удел служить Владимиру Андреевичу. В ноябре 1549 г. был отправлен к Коломне в качестве воеводы Старицкого князя¹⁰⁷. В июне 1558 г. воевода Иван Хлызнев Колычев находился в Калуге¹⁰⁸. Приблизительно на рубеже 1550–1560-х гг. Иван Хлызнев Колычев был переведен из удела на царскую службу. В 1562–1563 гг. он участвовал в походе на Полоцк. Во время этого похода на сторону Литвы перебежал племянник Ивана Борисовича, Богдан Никитич Хлызнев Колычев. По предположению Р. Г. Скрынникова, Богдан также служил Владимиру Старицкому, поскольку его имя отсутствует в царских разрядах и дворовых списках. Историк считает, что эта измена способствовала росту подозрительности Ивана IV в отношении Владимира Андреевича, что привело к опале 1563 г. [Скрынников, 1992, с. 159]. Тем не менее сам Иван Борисович еще некоторое время продолжал карьеру: так, в 1564 г. Колычев был воеводой в Смоленске, где он служил совместно с другим бывшим представителем старицкого двора, Борисом Хованским¹⁰⁹. В 1566 г. Хлызнев Колычев принимал участие в Земском соборе, а спустя два года был казнен в связи с делом против боярина Ивана Федорова [Скрынников, 1992, с. 332]. Земельные владения Ивана Борисовича Хлызнева Колычева могли находиться на территории Вяземского уезда – такую версию высказал А. А. Зимин, ссылаясь на данные писцовых книг 1594–1595 гг. А. Л. Корзинин обратил внимание на то, что в данном случае упоминается некий Иван Колычев без отчества (то есть речь могла идти и о другом лице из этого рода). В писцовой книге 1586–1587 гг. исследователь отмечает упоминания о пустошах в Медыньском уезде, ранее принадлежавших Ивану Борисовичу [Корзинин, с. 8].

Помимо Колычевых, потомкам Андрея Кобылы являлись Образцовы, также служившие в Старицком уделе. Родословная книга называет служилыми людьми Владимира Андреевича Ивана и Федора Романовичей Образцовых¹¹⁰. На свадьбе 1550 г. братья Образцовы в числе удельных детей боярских несли каравай¹¹¹. Иван Романович исполнял ту же обязанность и в 1555 г.¹¹² Федор Романович впоследствии перешел на царскую службу. В 1563 г. Государев разряд называет его наместником в Рыльске¹¹³. Дальнейшая судьба Федора Образцова схожа с судьбой его бывшего сослуживца по старицкому двору Ивана Хлызнева Колычева: он также участвовал в Земском соборе и также был казнен по делу о «заговоре» боярина Федорова [Скрынников, 1992, с. 332].

Упомянуты в родословной книге как служилые люди Владимира Андреевича Корнил и Михаил Константиновичи Мячковы, потомки выходца из «Теврижского царства», который

---

¹⁰⁴ АСЗ. Т. 4. С. 164.

¹⁰⁵ ДРВ. С. 23.

¹⁰⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. С. 223–224.

¹⁰⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 124.

¹⁰⁸ Там же. С. 168.

¹⁰⁹ Там же. С. 208.

¹¹⁰ Памятники истории русского служилого сословия. С. 110.

¹¹¹ ДРВ. С. 54.

¹¹² Там же. С. 82.

¹¹³ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 202.

переехал в Москву при Дмитрие Донском¹¹⁴. Другие Мячковы в это время служили в составе Государева двора по Юрьеву¹¹⁵.

Также из родословной книги можно узнать, что на службе у Владимира Старицкого находился Дмитрий Семенович из рода Василия Даниловича Красного, боярина Дмитрия Донского¹¹⁶.

Согласно описи царского архива XVI в., Владимиру Андреевичу служили дети боярские Богдан и Иван Радиловы¹¹⁷. Подобно многим другим фамилиям, Радиловы входили также в состав Государева двора: Дворовая тетрадь называет представителей этого рода среди детей боярских, служивших по Можайску¹¹⁸.

В докладной купчей 1559 г. упоминаются двое удельных детей боярских, присутствовавших на докладе вместе с боярином Василием Темкиным: Иван Мешков Валуев и Иван Татищев¹¹⁹. Первый из них был сыном Григория Михайловича Мешкова Валуева, служившего Андрею Старицкому и, в отличие от некоторых других Валуевых, не перешедшего на сторону Москвы во время «мятежа» 1537 г. [Бенцианов, 2013, с. 20]. Валуевы владели землями на территории Старицкого уезда: в духовной грамоте Григория Михайловича (1543 или 1544 г.) названы четыре купленные им деревни¹²⁰, сохранилась и его купчая, датированная еще 1530 или 1531 г. Женой Григория Михайловича и матерью Ивана Мешкова Валуева была Акулина Волконская, чья семья (как упоминалось выше) также принадлежала к служилым людям Старицкого княжества¹²¹. Что касается Татищевых, то, помимо упомянутого в купчей сына боярского, по летописным сведениям известен ясельничий Владимира Андреевича Кекса Татищев, погибший во время московского пожара 21 июня 1547 г.¹²²

Известным старомосковским боярским родом являлись Плещеевы, один из которых, Борис Алферович Плещеев, был боярским сыном в Старицком уделе и на свадьбе Владимира Андреевича 1550 г. нес каравай¹²³. Плещеев покинул удел еще до перемены двора 1563 г.: уже в 1558 г. он упоминается на царской службе¹²⁴.

Среди тверских землевладельцев, служивших Владимиру Андреевичу, следует назвать отмеченных в дозорной книге Федора Ивановича Маринина и Ивана Петровича Дягилева¹²⁵. Маринины имели земельные владения и непосредственно в Старицком уезде. Сохранилась данная грамота Федора Никифоровича Маринина от 1560 или 1561 г. игумену Иосифо-Волоцкого монастыря на сельцо Караваево Старицкого уезда, которое указано как купля Маринина¹²⁶. В 1560 г. Федор Никифорович присутствовал на земельной мене между Владимиром Андреевичем и государевыми служилыми людьми. Маринин назван здесь сыном боярским, но его принадлежность к удельной корпорации не отмечена¹²⁷.

Свадебный разряд 1555 г. упоминает Луку Новосильцева, называя его «княжим»¹²⁸. Новосильцевы принадлежали к числу старинных вотчинников Старицкого уезда [Павлов,

¹¹⁴ Памятники истории русского служилого сословия. С. 143–144.

¹¹⁵ ТКиДТ. С. 152.

¹¹⁶ Памятники истории русского служилого сословия. С. 140.

¹¹⁷ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 44.

¹¹⁸ ТКиДТ. С. 186.

¹¹⁹ Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века. С. 134.

¹²⁰ АФХЗ. Ч. 2. С. 112, 172.

¹²¹ Там же. С. 172.

¹²² ПСРА. Т. 13. 2-я пол. С. 454.

¹²³ ДРВ. С. 54.

¹²⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 173.

¹²⁵ Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. С. 223, 265.

¹²⁶ АФХЗ. Ч. 2. С. 290.

¹²⁷ Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века. С. 135.

¹²⁸ ДРВ. С. 83.

1985, с. 114]. Лука Захарьевич Новосильцев впоследствии перешел на службу царю и сделал успешную дипломатическую карьеру [Зимин, 1986, с. 45, 132, 133]. Данило и Жокула Захарьевичи Новосильцевы в 1550-е гг. входили в состав Государева двора, в Дворовой тетради они записаны как служившие по Старице¹²⁹.

В июле 1563 г. Иван IV выдал поместную грамоту Янышу Ивановичу Кондыреву, «что приехал к нам ото князя Володимера Андреевича». Яныш получил земли от царя в Калужском уезде¹³⁰. Кондыревы (Киндыревы) были давними землевладельцами Старицкого уезда [Павлов, 1985, с. 118–119]. В то же время некоторые выходцы из этого рода еще с 1550-х гг. находились на царской службе¹³¹.

При изучении старицкой служилой корпорации необходимо обратить внимание и на последний состав удельного двора (после опалы Владимира Андреевича 1563 г.). Источники не дают возможности установить его в относительно полном виде, но все же содержат некоторые имена. В меновых грамотах от января и марта 1566 г. (речь идет о земельном обмене с царем, в результате которого Владимир лишился Старицкого удела и получил взамен Дмитровский) названы удельный боярин князь Андрей Иванович Ногтев и дворецкий Семен Александрович Аксаков¹³². Оба они были направлены в Старицкий удел не сразу после событий 1563 г. – известно, что еще в марте 1565 г. и Ногтев, и Аксаков находились на царской службе. Причину назначения Андрея Ногтева в удел Р. Г. Скрынников видит в том, что он принадлежал к Суздальским князьям, давно враждовавшим со Старицкими. Семен Аксаков, как отмечает ученый, пользовался доверием царя: ранее Иван IV назначил его воеводой в Стародуб после раскрытия там заговора [Скрынников, 1992, с. 161–162]. После гибели Владимира Старицкого и окончательной ликвидации его княжества эти лица не подверглись репрессиям. Известно, что Андрей Ногтев вернулся на царскую службу и получал назначения на воеводские должности вплоть до своей смерти в 1579 г.¹³³ По версии Р. Г. Скрынникова, Владимиру Старицкому вплоть до конца 1560-х гг. могли служить Бутурлины. Синодик опальный отмечает среди казненных вместе с Владимиром Андреевичем Степана Бутурлина. Р. Г. Скрынников отождествил этого человека со Степаном Федоровичем Бутурлиным, известным по родословным книгам. Ученый обратил внимание, что имена самого Степана Федоровича, а также его отца и братьев не были записаны в Дворовую тетрадь, что может говорить об их удельной службе [Скрынников, 1992, с. 387].

Помимо бояр и детей боярских, в состав удельной служилой корпорации входили дьяки и подьячие. Дошедшие до нас сведения об этих лицах приведены в исследовании А. Ю. Савосичева. Историк указывает, что в уделе Владимира Андреевича служили шестеро дьяков (Григорий Афанасьев, Иван Гаврилов, Яков Гнильевский, Лаша Зиновьев, Савлук Иванов, Лашук Перхушков) и четверо подьячих (Смирной Алексеев, Степан Григорьев, Влаас Доброго, Постник Сумороков). По наблюдениям А. Ю. Савосичева, все эти дьяки и двое подьячих (Григорьев и Сумороков) перешли на удельную службу из государевой канцелярии, что является признаком контроля центральной власти над уделом [Савосичев, т. 2, с. 75–77]. Большинство сведений об удельных дьяках и подьячих сохранили актовые источники. Так, например, в разъезжей грамоте 1565 г. упомянуты сразу трое из них: дьяк Иван Гаврилов, подьячие Постник Сумороков и Смирной Семенов (Алексеев)¹³⁴. Последний назван также

---

¹²⁹ ТКиДГ. С. 183.

¹³⁰ АСЗ. Т. 1. С. 85.

¹³¹ ТКиДГ. С. 172, 207.

¹³² ДДГ. С. 420–423.

¹³³ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 256, 271, 273.

¹³⁴ АФЗХ. Ч. 2. С. 330–332.

в данной грамоте 1567–1568 гг., но без указания на его удельную службу¹³⁵. Относительно Постника Суморокова следует отметить, что он был не единственным представителем своей фамилии, имевшим связи с Владимиром Старицким: в 1559 г. удельный князь выдал жалованную поместную грамоту Думашу Федоровичу Суморокову на земельные владения в Алексинском уезде. В связи с обментами между Иваном IV и Владимиром Андреевичем в 1566 г. Думаш Сумороков получил от царя взамен прежнего поместья новые земли в Каширском уезде¹³⁶. В подписании меновых грамот между Иваном IV и Владимиром Андреевичем в 1566 г. участвовали дьяки Иван Гаврилов, Лашук Перхушков и Яков Григорьев (Гнильевский)¹³⁷. Иван Гаврилов продолжил службу Владимиру Андреевичу во вновь созданном Дмитровском уделе. Известны жалованные грамоты удельного князя Троице-Сергиеву монастырю от августа 1566 г., подписанные этим дьяком¹³⁸. Согласно наблюдениям А. Ю. Савосичева, Яков Гнильевский был единственным старицким дьяком, происходившим из потомственных приказных людей: его дед служил еще Ивану III, отец – Василию III [Савосичев, т. 1, с. 238, 452; т. 2, с. 76]. Яков Гнильевский, как и Иван Гаврилов, остался дьяком Владимира Андреевича после замены Старицкого удела на Дмитровский. В апреле 1569 г. этот дьяк подписал жалованную грамоту князя Владимира протопопу московского Архангельского собора¹³⁹. По мнению Р. Г. Скрынникова, основанному на реконструкции Синодика опальных, Яков Гнильевский (являвшийся, по мнению ученого, главным дьяком Дмитровского удела) был казнен в том же 1569 г. вместе со своим князем [Скрынников, 1992, с. 357]. Савлук Иванов в 1559 г. подписал докладную купчую удельному боярину Василию Темкину, а в следующем году – меновую грамоту между Старицким князем и великокняжескими детьми боярскими¹⁴⁰. Помимо дьяческой службы, Савлук Иванов известен также доносом на своего князя. Согласно рассказу из дополнения к Никоновской летописи, в 1563 г. Савлук прислал «память» царю, в которой писал, что князь Владимир Андреевич и княгиня Евфросинья «многие неправды ко царю и великому князю чинят и того для держат его скована в тюрьме». По приказу Ивана IV Савлук был доставлен к царю, где он «сказывал... многие неисправления и неправды» на князей Старицких. Таким образом, этот донос удельного дьяка послужил предлогом к опале Владимира и Евфросиньи¹⁴¹. Источники не позволяют выяснить, что же конкретно произошло между удельным правителем и дьяком. Однако, если принимать во внимание предположение А. Ю. Савосичева о контроле центральной власти над уделами через внедрение в местные канцелярии бывших царских дьяков, можно заключить, что события 1563 г. не были просто случайным личным конфликтом. Известно о землевладении старицких дьяков: Иван Гаврилов и Лаша Иванов имели поместья в Московском уезде, Савлук Иванов – вотчины в Старицком и Муромском уездах. Небольшая вотчина в Тверском уезде принадлежала подьячему Власу Доброго [Савосичев, т. 2, с. 77].

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что в источниках наиболее подробно отражена деятельность элиты старицкого двора (бояре, дворецкие, конюшие, воеводы). Сведения из разрядных книг, родословных книг, земельных актов позволяют проследить их карьеру, по крайней мере, в общих чертах, хотя некоторые моменты не всегда можно однозначно выяснить (например, точное время начала удельной службы).

¹³⁵ Там же. С. 345.

¹³⁶ АСЗ. Т. 1. С. 247–248.

¹³⁷ ДДГ. С. 420–426.

¹³⁸ Описание грамот Коллегии экономии. М., 2016. Т. 1 / Подгот. А. В. Антонов. С. 671.

¹³⁹ Акты Российского государства. Акты из архивов московских монастырей и соборов конца XV – начала XVII в. М., 1998. С. 66.

¹⁴⁰ Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века. С. 134–135.

¹⁴¹ ПСРА. Т. 13. 2-я пол. С. 368.

Существенно меньше сохранилось данных о служивших Владимиру Андреевичу рядовых детях боярских. В некоторых случаях мы имеем лишь информацию о факте этой службы, отмеченную в родословных книгах без каких-либо подробностей. Относительно отдельных лиц невозможно даже в точности сказать, служили ли они удельному князю: есть лишь косвенные сведения, такие как упоминание их на свадьбах Владимира Андреевича совместно с его придворными и родственными связи этих людей с достоверно известными представителями удельного двора.

Высшее положение при дворе Владимира Андреевича занимали представители княжеских фамилий. Здесь заметно некоторое отличие от двора Андрея Ивановича, где дворецким некоторое время был выходец из нетитулованного рода, Иван Умой Колячев (к концу княжения Андрея должность перешла к князю Юрию Пенинскому Меньшому). При Владимире Андреевиче дворецкими были князья Борис (1557 г.), а затем Андрей (1560 г.) Хованские, должность конюшого занимали вначале князь Юрий Лыков Оболенский (1550 г.), затем – князь Борис Хованский (1555 г.). В числе руководителей удельного двора следует назвать бояр князя Юрия Меньшого Пенинского Оболенского, князя Василия Темкина Ростовского, князя Петра Пронского (последнего – с конца 1550-х гг.). Представители старицкого двора были связаны родством между собой, а через княгиню Евфросинью Хованскую – с самим князем Владимиром Андреевичем. По утверждению М. М. Бенцианова, благодаря родству с княгиней Евфросиньей в состав двора Владимира Андреевича вошло больше представителей тверских боярских родов, чем было во дворе Андрея Ивановича [Бенцианов, 2013, с. 21]. С мнением исследователя можно согласиться, но следует иметь в виду, что эти выходцы из тверского боярства не занимали в старицком дворе главенствующего места, в отличие от представителей княжеских родов. В этом отношении ситуация мало изменилась со времен княжения Андрея Ивановича, когда, как отметил М. М. Бенцианов, «тверичи» «занимали в структуре старицкого двора весьма скромное положение» [Бенцианов, 2012, с. 71].

Обращает на себя внимание отсутствие прочных земельных связей большинства удельных придворных со Старицким уездом. А. П. Павлов на основании ретроспективного исследования писцовой книги Старицкого уезда XVII в. сделал вывод, что «связи с уездом к концу XVI в. потеряли все бывшие руководители старицкого двора», причем «своих владений они лишились, по вероятности, еще до включения Старицы в состав опричнины» [Павлов, 1985, с. 119]. Но были ли такие владения у них ранее? Как отмечалось выше, некоторые старицкие землевладельцы присутствовали среди служилых людей Владимира Андреевича. В их числе можно назвать Борисовых Бороздиных (в том числе ветвь этого рода Житовых), Валуевых, Новосильцевых, Марининых. Но если говорить о наиболее высокопоставленных удельных придворных, то их земельные связи со Старицким уездом не прослеживаются. Так, например, Юрий Пенинский в завещании писал о своих владениях в Волоцком уезде и в Москве, но не упоминал земли на территории княжества Владимира Андреевича. Нет сведений о принадлежности к старицким землевладельцам Василия Темкина, братьев Хованских, Петра Пронского (хотя родственники последнего имели владения в данном уезде). Юрий Лыков, вероятно, имел владение в Тверском уезде, благодаря родству с местными землевладельцами Борисовыми. Другой видный представитель удельного двора, Иван Хлызнев Колячев, владел землями в Медынском и, возможно, Вяземском уездах.

Помимо родства, удельных придворных связывали между собой имущественные отношения. Это обстоятельство нашло отражение в духовной грамоте Юрия Пенинского Меньшого. Удельный боярин упоминает в завещании, с кого необходимо взять деньги, коней, ткани и различные материальные ценности. Юрий Пенинский перечисляет здесь ряд других старицких служилых людей: Василия Темкина, Ивана Колячева, Юрия Лыкова, Федора

Образцова¹⁴². Обращает на себя внимание отсутствие в тексте завещания упоминания о братьях Андрее и Борисе Хованских, приходившихся близкими родственниками жене Юрия Пенинского. Можно предположить, что в период составления духовной они оба еще не входили в руководство старицкого двора или вообще еще не начали службу в уделе.

Состав служилой корпорации Владимира Андреевича можно сопоставить со списком из Дворовой тетради, в который включены лица, служившие по Старице государю. В данном списке отмечены следующие фамилии: Пронские, Бестужевы, Кознаковы, Тихменевы, Измайловы, Голостеновы, Евлашковы, Бороздины, Валуевы, Новосильцевы, Поликарповы. Далее следует приписка, что служившие по Старице «кроме дву Пронских почернены все». Таким образом, особая старицкая корпорация внутри Государева двора была расформирована, и продолжили службу по Старице только князья Пронские. Некоторые из служивших по Старице людей были переведены в другие города (Ржеву, Зубцов, Можайск, Смоленск), о чем свидетельствуют пометки в Дворовой тетради¹⁴³. Большинство из перечисленных фамилий относились к старинным старицким землевладельцам [Павлов, 1985, с. 114, 117]. Прослеживаются родственные связи государевых служилых людей по Старице и представителей удельной корпорации. Например, Андрей и Василий Константиновичи Пронские приходились двоюродными племянниками Петру Даниловичу Пронскому, впоследствии удельному боярину. Также здесь можно указать на Бороздиных, Валуевых, Новосильцевых. Однако представители других фамилий, отмеченных в Дворовой тетради, на службе у Старицких князей не упоминаются. Так, Бестужевы, согласно наблюдениям М. М. Бенцианова, находились на великокняжеской службе еще со времен Василия III [Бенцианов, 2012, с. 66]. А. П. Павлов на основании анализа писцовых книг пришел к выводу, что лица, служившие по старицкому списку в составе Государева двора, значительно меньше пострадали от земельных конфискации, чем служившие удельному князю. Например, владения упомянутых в Дворовой тетради Василия Пронского, Филимона Кознакова, Федора Поликарпова сохранились на территории Старицкого уезда и после опричнины [Павлов, 1985, с. 119–120].

Источники не всегда дают возможность точно установить, когда тот или иной человек вошел в состав удельного двора или покинул его. Тем не менее определенные изменения в верхах старицкого двора можно заметить. В конце 1540-х – начале 1550-х гг. главную роль играли, вероятно, князья Оболенские, в первую очередь Юрий Пенинский и Юрий Лыков. Не исключено, что Оболенские составляли особую группу среди старицких служилых людей, в состав которой входили, помимо двух бояр, также ряд менее высокопоставленных лиц – Щербатовы, Долгоруковы. Однако ко второй половине 1550-х гг. ситуация меняется. На первый план выходят двое братьев Хованских, Василий Темкин, несколько позже к ним присоединяется Петр Пронский. Эти люди составляли удельное правительство вплоть до опалы князя Владимира в 1563 г., приведшей к замене двора. Конечно, смена правящих лиц могла быть обусловлена естественными причинами. Например, князь Юрий Пенинский, занимавший руководящие места в Старицком уделе еще в первой половине 1530-х гг., к 1550-м был, очевидно, уже не молод. Однако не следует исключать также причины политические. В этом отношении показателен пример с должностью старицкого конюшего: к 1555 г. она перешла от Юрия Лыкова к Борису Хованскому, хотя первый был еще жив и годен к службе. На смену фамилий в руководстве удельного двора могли повлиять их родственные связи с московской аристократией. М. М. Бенцианов, исследовавший двор Андрея Старицкого, отметил, что возвышение Оболенских при удельном дворе совпадает с возвышением в Москве их родственника – Ивана Овчины Телепнева.

¹⁴² АФЗХ. Ч. 2. С. 208–209.

¹⁴³ ТКиДТ. С. 183–184.

Историк предполагает, что присутствие Оболенских на обеих сторонах во время «мятежа» 1537 г. способствовало «мирному» разрешению конфликта [Бенцианов, 2012, с. 74–75]. В период княжения в Старице Владимира Андреевича Оболенские также входили в состав московской элиты. Высшее положение среди них занимал князь Дмитрий Иванович Курлятев, к концу 1540-х гг. ставший боярином. Некоторые исследователи, например, Р. Г. Скрынников, считают его одним из руководителей «Избранной рады». Ученый указывает, что Курлятев использовал свое влияние для включения в Боярскую думу своих родственников, в результате чего «по сравнению с другими княжескими родами Оболенские имели наибольшее число представителей в думе» [Скрынников, 1992, с. 118]. Во время династического кризиса марта 1553 г., вызванного болезнью царя, некоторые из бояр Оболенских, вероятно, поддерживали кандидатуру на престол Владимира Старицкого. Так, по словам Р. Г. Скрынникова, князья Петр Семенович Серебряный и Дмитрий Иванович Немой «приняли самое деятельное участие в заговоре» в пользу удельного князя. Имелись слухи о поддержке Владимира Андреевича самим князем Курлятевым, который первоначально уклонился от присяги царевичу Дмитрию под предлогом болезни [Скрынников, 1966, с. 96–97]. Несомненно, представители рода Оболенских в московской Боярской думе и при старицком дворе поддерживали отношения между собой. В упомянутой выше духовной грамоте старицкого боярина Юрия Пенинского были названы Петр Серебряный и Дмитрий Немой¹⁴⁴. С учетом этих обстоятельств можно высказать предположение, что Иван IV хотел убрать Оболенских из руководства старицкого двора, чтобы ослабить связи Владимира Старицкого с влиятельными московскими боярами. В этом смысле заслуживает внимания, что князья Оболенских заменили князья Хованские. Они были связаны родством и с Оболенскими, и с самим Владимиром Старицким, но в тот период не входили в московскую элиту. Однако в таком случае может возникнуть вопрос, почему в руководстве старицкого двора остались Василий Темкин Ростовский и Петр Пронский, родственники которых из московской Боярской думы (например, Семен Лобанов Ростовский, Иван Пронский) также были вероятными сторонниками кандидатуры Старицкого на престол и подозревались в заговоре в пользу удельного князя [Зимин, 1960, с. 412–413]. Здесь можно указать, что Василий Темкин и Петр Пронский входили в состав старицкой корпорации как отдельные лица, в то время как Оболенские могли составлять при дворе Владимира Андреевича довольно многочисленную группу. Также Темкин и Пронский, в отличие от Лыкова и Пенинского, не имели личных связей со Старицким уделом со времен князя Андрея Ивановича и службу начинали в составе Государева двора. Характерно, что все руководители старицкого двора, покинувшие удел после опалы Владимира Андреевича, сделали успешную карьеру на государственной службе. Один из них, Василий Темкин, впоследствии был казнен, но его гибель не была связана со службой в уделе.

Если рассмотреть биографии шестерых наиболее высокопоставленных представителей двора Владимира Андреевича (Юрий Пенинский, Юрий Лыков, Василий Темкин, Андрей и Борис Хованские, Петр Пронский), то можно отметить, что все они были связаны лично или родством с двором Андрея Ивановича. Юрий Пенинский и Юрий Лыков непосредственно служили первому Старицкому князю, братья Хованские и Петр Пронский приходились близкими родственниками придворным Андрея Старицкого, Василий Темкин – дальним родственником. Также необходимо обратить внимание на то, что ко времени опалы Владимира Андреевича в 1563 г. в старицком правительстве, по-видимому, не осталось лиц, служивших в удельном княжестве еще со времен Андрея Ивановича: Юрий Пенинский и Юрий Лыков в этот период исчезают из источников, Иван Хлызнев Кольчев был к началу 1560-х гг. переведен

---

¹⁴⁴ АФЗХ. Ч. 2. С. 208.

на царскую службу. Относительно Кольчева также можно предположить, что его удаление из удела было вызвано политическими причинами. Иван Борисович сохранил верность Андрею Старицкому во время «мятежа» 1537 г., поэтому не исключено, что Иван IV мог видеть угрозу в нем. Показательно отличие судьбы Хлызнева Кольчева от судеб четырех названных выше лиц из «нового» состава руководства старицкого двора. Кольчев был казнен, причем непосредственно в связи с подозрениями против Владимира Старицкого (дело о «боярском заговоре» под руководством Ивана Федорова).

С учетом изложенного выше, можно сделать предположение, что изменения в старицком дворе в 1550-е гг. происходили при участии Ивана IV. Вероятно, царь имел здесь две цели: во-первых, удалить из удела (или, по крайней мере, с руководящих должностей в нем) «старых» придворных, служивших здесь еще со времен Андрея Ивановича; во-вторых, отодвинуть от руководства уделом группу князей Оболенских, имевших влиятельных и в то же время «неблагонадежных», по мнению царя, родственников в московской Боярской думе. Следует подчеркнуть, что эта постепенная замена двора не являлась формально опалой, более того, родство вышеупомянутых лиц с князем Владимиром и княгиней Евфросиньей должно было показать их лояльность Старицким. Однако в действительности данные люди, по-видимому, не слишком тесно связывали свою карьеру со Старицким княжеством. Они не имели за собой традиции удельной службы. Василий Темкин и Петр Пронский ранее служили царю. Андрей и Борис Хованские, как можно предположить, только начинали служебную карьеру. Переход (или возвращение) на царскую службу, последовавший после опалы Старицких в 1563 г., эти удельные придворные, вероятно, рассматривали как повышение. В. Б. Кобрин предполагал, что некоторые бывшие служилые люди Владимира Старицкого сыграли значительную роль в расправе над удельным князем в 1569 г. [Кобрин, с. 71, 88–89]. Вряд ли данную версию можно однозначно подтвердить или опровергнуть, однако следует признать тот факт, что эти люди связывали свои судьбы в большей степени с Москвой, а не со Старицей, и после опалы Владимира Андреевича без каких-либо колебаний перешли на царскую службу.

Таким образом, в середине XVI в. двор Старицкого князя не представлял собой тесно сплоченной общности и не мог стать серьезной политической опорой для Владимира Андреевича. Если при Андрее Ивановиче старицкие служилые люди все же пытались поддержать своего князя во время событий «мятежа» 1537 г. (хотя и в этом случае среди них не было единства), то опала 1563 г. не встретила никакого противостояния со стороны удельного двора. После этого царь мог уже открыто поставить двор Владимира Андреевича под свой полный контроль, утвердив его главой представителя враждебного Старицким рода (князя Андрея Ногтева Суздальского). Лишенное даже остатков самостоятельности, Старицкое княжество вряд ли могло представлять реальную опасность для политического единства Русского государства. Подозрения царя относительно удельного князя сохранялись, но в данном случае, вероятно, главное значение имел статус Владимира Андреевича как близкого родственника Ивана IV, возможного кандидата на престол, а не как правителя Старицкого княжества. Можно согласиться с М. М. Бенциановым, писавшим, что «недоверие... в первую очередь было направлено на фигуру князя Владимира Старицкого, а не на лиц из его ближайшего окружения» [Бенцианов, 2013, с. 22]. Дальнейшие взаимоотношения Ивана IV и Владимира Старицкого привели вначале к замене Старицкого удела на Дмитровский в результате обменов 1566 г., то есть фактически к окончательной ликвидации княжества, созданного когда-то по завещанию Ивана III, а затем к последней опале и гибели Владимира Андреевича в 1569 г.

Литература

- Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «старицкого мятежа» 1537 г. Ч. 1 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64–76.
- Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «старицкого мятежа» 1537 г. Ч. 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1 (51). С. 17–26.
- Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. 221 с.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 541 с.
- Володихин Д. М. Не за совесть, а за страх: воеводы князя Владимира Андреевича Старицкого на опричной службе // Историческое обозрение. 2010. № 11. С. 14–26.
- Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. 512 с.
- Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV – первой половине XVI в. // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 161–188.
- Зимин А. А. В канун грозных потрясений: предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. 331 с.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 350 с.
- Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. Избранные труды. М., 2008. 369 с.
- Корзинин А. Л. Состав дворянства на земском соборе 1566 г. Часть 1-я // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2012. Вып. 1. С. 3–23.
- Павлов А. П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовой книги Старицкого у. 1624–1626 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. 17. С. 100–120.
- Павлов А. П. Судьбы родового вотчинного землевладения в первой половине XVII в. // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. С. 955–971. DOI 10.15826/qr.2018.4.339
- Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи. Дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2015. Т. 1. 636 с.; Т. 2. 266 с.
- Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. 594 с.
- Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. 418 с.
- Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. 574 с.

References

- Bentsianov, M. M. Dvor knyazyaya Andreyaya Staritskogo i problema “staritskogo myatezha” 1537 g. Ch. 1 [The Court of Andrei Staritskii and the Problem of “Staritskii Mutiny” of 1537. Part 1]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2012. No. 4 (50). Pp. 64–76.
- Bentsianov, M. M. Dvor knyazyaya Andreyaya Staritskogo i problema “staritskogo myatezha” 1537 g. Ch. 2 [The Court of Andrei Staritskii and the Problem of “Staritskii Mutiny” of 1537. Part 2]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2013. No. 1 (51). Pp. 17–26.
- Bychkova, M. E. Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie [The Composition of the Feudal Class of Russia in the 16th Century. Historical and Genealogical Research]. Moscow, 1986. 221 p.
- Kobrin, V. B. Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika. Izbrannyye trudy [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy. Selected Works]. Moscow, 2008. 369 p.
- Korzinin, A. L. Sostav dvoryanstva na zemskom sobore 1566 g. Chast’ 1-ya [The Composition of the Nobility at the Zemsky Sobor of 1566. Part 1]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2*. 2012. Issue 1. Pp. 3–23.
- Pavlov, A. P. Opyt retrospektivnogo izucheniya pistsovykh knig (na primere pistsovoi knigi Staritskogo u. 1624–1626 gg.) [The Experience of Retrospective Study of Scribal Books (On the Example of the Scribal Book of Staritsky Uyezd of 1624–1626)]. In *Vspomogatel’nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, 1985. Vol. 17. Pp. 100–120.
- Pavlov, A. P. Sud’by rodovogo votchinного zemlevladieniya v pervoi polovine XVII v. [Destinies of Old Family Lands in the First Half of the 17th Century]. In *Quaestio Rossica*. 2018. Vol. 6. No. 4. Pp. 955–971. DOI 10.15826/qr.2018.4.339

- Sadikov, P. A. Ocherki po istorii oprichniny [Essays on the History of Oprichnina]. Moscow; Leningrad, 1950. 594 p.
- Savosichev, A. Yu. D'yaki i pod'yachie XIV–XVI vekov: proiskhozhdenie i sotsial'nye svyazi [Dyaks and Podyachies of the 14th – 16th Centuries: Origin and Social Relations]. Dissertation for the Degree of Doctor of History. Orel, 2015. Vol. 1. 636 p.; Vol. 2. 266 p.
- Skrynnikov, R. G. Nachalo oprichniny [The Beginning of the Oprichnina]. Leningrad, 1966. 418 p.
- Skrynnikov, R. G. Tsarstvo terrora [Reign of Terror]. Saint Petersburg, 1992. 574 p.
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny [Research on the History of the Oprichnina]. Moscow, 1963. 541 p.
- Volodikhin, D. M. Ne za sovest', a za strakh: vovody knyazya Vladimira Andreevicha Staritskogo na oprichnoi sluzhbe [Not for Conscience, but for Fear: Voivodes of Prince Vladimir Andreevich Staritsky at the Oprichnina Service]. In *Istoricheskoe obozrenie*. 2010. No. 11. Pp. 14–26.
- Zimin, A. A. Reformy Ivana Groznogo. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii serediny XVI v. [Reforms of Ivan the Terrible. Essays on the Socio-Economic and Political History of Russia in the Middle of the 16th Century]. Moscow, 1960. 512 p.
- Zimin, A. A. Udel'nye knyaz'ya i ikh dvory vo vtoroi polovine XV – pervoi polovine XVI v. [Appanage Princes and Their Courts in the Second Half of the 15th – the First Half of the 16th Century]. In *Istoriya i genealogiya: S. B. Veselovskii i problemy istoriko-genealogicheskikh issledovaniy*. Moscow, 1977. Pp. 161–188.
- Zimin, A. A. V kanun groznykh potryasenii: predposylki pervoi Krest'yanskoi voiny v Rossii [On the Eve of Terrible Upheavals: Prerequisites of the First Peasant War in Russia]. Moscow, 1986. 331 p.
- Zimin, A. A. Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – the First Third of the 16th Century]. Moscow, 1988. 350 p.

Aleksandr I. Borodovskii

North-Western Institute of Management of RANEP, Saint Petersburg, Russia

COURT OF APPANAGE PRINCE VLADIMIR ANDREEVICH STARITSKY

The article examines the composition of the court of Appanage Prince Vladimir Andreevich Staritsky in the 1540–1560s. The article provides information on the administrative and military activities of the service people of the Staritsa appanage principality, considers their family ties with each other and with members of the Tsar's court, as well as their land holdings. Changes are noted, which took place in the composition of the leadership of the Staritsa court in the 1550s. It is suggested that the reasons for this could be political in nature: the Tsar wanted to replace the old courtiers, who had a long history of appanage service, with new persons who linked their careers to a greater extent with Moscow, and not with Staritsa.

Keywords: Staritsa appanage principality, Prince Vladimir Andreevich Staritsky, appanage court, service people, Ivan IV